

Валерий Воронин

Заколдованная Русь

Древняя
страна магов

ТАЙНЫ
ИМПЕРИИ
историческая
серия

Валерий В. Воронин
Заколдованная Русь.
Древняя страна магов
Серия «Тайны империи», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10245075

Валерий Воронин. Заколдованная Русь. Древняя страна магов: Свет;

Москва; 2015

ISBN 978-5-00053-317-8

Аннотация

Книга «Заколдованная Русь. Древняя страна магов» является продолжением романа «Родина ариев. Мифы Древней Руси». Германская мистическая организация «Аненербе» сумела обнаружить в Крыму древнейшие исторические артефакты. Очевидец и активный участник тех событий рассказывает о том, как неожиданно развивалась ситуация в далеком 1944 году и какими невероятными оказались последствия, которые отразились на нашей с вами современной жизни.

Содержание

Глава I	5
1	5
2	11
3	17
4	23
Глава II	29
1	29
2	34
3	40
4	46
Глава III	53
1	53
2	60
3	66
4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Валерий Воронин
Заколдованная Русь.
Древняя страна магов
Тайны империи.
Книга пятая

© Воронин В. В., 2014

© ООО «Свет», 2015

Глава I

Биюк-Узенбаш

1

Теперь меня зовут Ахмедом. Я хромым старик-татарин, беженец из Карасу-Базара. Война разрушила мой дом, и я был вынужден скитаться по Крыму в поисках крыши над головой. В начале 1944 года судьба забросила меня в горное село Биюк-Узенбаш. А добрые люди приютили бедного человека у себя. На короткое время я обрёл кров над головой и смог перевести дух.

Дом, в котором я теперь обитал, находился недалеко от мечети, на площади, перед ней собирались местные жители, чтобы обсудить последние новости. Приходили, конечно, одни мужчины. На такие встречи выползал со своей палицей и я. Конечно, очень хотелось узнать, где сейчас фронт и не пора ли возвращаться в Карасу-Базар. Люди ко мне привыкли, жалели бездомного старика и относились с доверием. Я же был немногословен. Лишь время от времени кивал головой. Контузия, полученная во время взрыва моего дома, отшибла мою память. Это приводило к забавным ситуациям. Я помнил прошлое лишь урывками и часто забывал простейшие

вещи. Зато я мог подолгу возиться на винограднике и в саду.

Али, хозяин дома, в котором я жил, был уверен, что память ко мне вернётся именно через работу в саду. Руки помнят все операции, которые им приходилось прежде выполнять. Такой механический труд воскресит и умственную работу. А я лишь кивал головой: так и есть, так и есть...

Здесь, в Биюк-Узенбаше, жили и другие беженцы. С некоторыми я был знаком – мы вместе кочевали от села к селу, пока не осели здесь. С другими же я познакомился в последние дни. Были здесь и «старожилы», поселившиеся в селе год назад и даже более. Были и те, кто пришёл недавно. Нередко беженцы собирались вместе. Обсуждали, как быть дальше, или же вспоминали свою прошлую жизнь. Но времени для таких бесед было немного. Надо честно признать. Мы все старались помогать хозяевам, у которых теперь жили, считая это своей обязанностью.

Как я говорил, мне приходилось работать в саду и на винограднике. Но Али сам был настоящим хозяином, и на мою долю работы выпадало немного. В нескольких десятках метрах от его дома протекала речка Манаготра. И я любил сидеть на её берегу и смотреть на воду. Что ещё делать старику?

Однажды я заметил, что амбар, в котором хранилась всякая утварь, стал от старости заваливаться вбок. И следовало бы его подлатать. Али со мной согласился, мол, давно думал об этом. Но война заставила отложить все планы «на потом». Я же настоял, что медлить нельзя. К тому же обещал помочь

сам, а если потребуется, то призвать в помощники и других беженцев. В конце концов, Али согласился.

Вскоре выяснилось, что нам потребуется несколько железных скоб, чтобы скрепить брёвна. А таковых у Али не нашлось. Надо бы обратиться в кузницу, но мой хозяин засомневался в такой необходимости. Скобы сейчас были очень дороги, да и платить за работу кузнецу нечем.

Выяснилось, что кузница находится на краю села. Ею владеет одна армянская семья. Али и так был им должен за какую-то работу... Я вдруг оживился. А не у тех ли армян живёт беженец грек? Он им сейчас помогает, и стал хорошим кузнецом.

Али сказал, что видел какого-то нового работника. Может он и грек. Но даже если и так, разве станет он бесплатно делать скобы? Я же ответил, что если это тот самый грек, то у меня есть к нему свой подход. Мы, «братство беженцев», обязались друг другу помогать. Неужели же грек откажет старику Ахмету? Мы ведь оба одинаково претерпели. Али не стал со мной спорить, но было видно, что он сомневается в правильности наших действий. Грек-то может и не откажет, а вот хозяева кузницы...

И, тем не менее, мы решили пойти на ту сторону села. Али шёл быстро, так что я, ковыляя сзади, с трудом поспевал за ним. Несколько раз нам встретились односельчане. Али с ними здоровался, иногда на короткое время задерживался, и тогда я успевал перевести дух. Наконец дошли до армянских

домов. А вот и кузница!

Через несколько минут меня свели с греком, о котором я говорил Али. Оказывается, хозяева кузницы души в нём не чаяли. Грек стал просто незаменим. Очевидно, он и раньше работал кузнецом, так что своё дело знал хорошо. Армяне звали его Михой. Хотя полное имя, как я мог догадаться, было Михаил.

Конечно, Миха узнал меня и согласился помочь. У него имелось несколько заготовок, из которых он выковал скобы. Хозяин-армянин не возражал против такой услуги, а Али был просто счастлив от подарка. Конечно, в знак благодарности Али пригласил Миху к нам в гости. Грек, смеясь, обещал прийти.

Вскоре мы восстановили амбар в прежнем виде, а Миха стал частым гостем у Али. Конечно, и я с Михой общался, выпрашивал тонкости кузнечного дела. Миха оказался боек на язык, и я многое узнал о нём. Раньше кузнец жил в селе Лаки. По какой-то надобности его отослали в Бахчисарай, а когда он вернулся, то села уже не было, немцы сожгли. После этого Миха и стал искать себе пристанище, пока не оказался в Бюк-Узенбаше, где единоверцы-армяне держали кузницу. Миха по селу не расхаживал, предпочитая держаться ближе к армянам. Теперь же он ходил через всё село к Али (и ко мне!). Небольшое, но развлечение.

Я старался, как и прежде, держаться как можно незаметнее. Хотя здесь, вдали от фронта, мне ничего сейчас не угро-

жало. Просто привычка.

Хотел бы сказать несколько слов о месте, где стоял дом Али. Напомню – рядом находилась татарская мечеть. В годы после революции 1917 года она не работала. Сейчас, на короткое время, её деятельность восстановили. Сразу за мечетью река Манаготра вливается в другую, которую русские называли Гремяч-исток. А татары – как-то по-своему, но я то название не запомнил. Эти две реки образовывали небольшой мыс. Находясь на нём можно почувствовать волнение в сердце и состояние необычности. Думаю, что и мечеть была построена именно здесь неспроста. Издревле данное место пользовалось славой. Когда я сидел на берегу Манаготры и смотрел в её бегущие воды, то всегда силился понять, какую же тайну несёт в себе эта река?

Однажды меня застал здесь Али. Пришлось сказать ему, что тоскую по Карасу-Базару, по собственному винограднику и дому, по родине, которой больше нет на белом свете. Говорил я искренне, ибо я действительно тосковал и по родине, и по винограднику. Только находились они не в Карасу-Базаре, да и вообще – не в Крыму. Но Али не должен об этом даже догадываться.

Мой добрый покровитель утешил меня, сказав, что если я пожелаю того, то вполне могу остаться в их доме и жить в нём после окончания войны. Я поблагодарил Али и пообещал подумать над его словами. Мне было известно, что недавно у Али умер отец. Очевидно, ему требовался какой-то контакт

с человеком старше себя. А я в данный момент для данной роли более чем подходил. Но в мои планы не входило долго задерживаться в этом гостеприимном доме...

Сейчас у меня была одна задача – раствориться среди жителей Биюк-Узенбаша, стать своим во всём. И не вызывать к своей особе ни малейших подозрений. Я хорошо знал – любая мелочь, неточность могут вызвать подозрение. И уже замечал, что младший сын Али, мальчонка лет семи, иногда смотрит на меня настороженно, как будто бы ждёт от меня какого-то подвоха. Детей тяжело обмануть. Они иногда могут почувствовать то, что взрослый человек никогда не увидит и не поймёт. Так что я был вынужден вести себя крайне осторожно даже в доме Али.

Ещё мне нужно было изображать из себя человека, который в Биюк-Узенбаше находится впервые и ничего здесь не знает. Впрочем, с этой задачей я справился превосходно. Никто не заподозрил во мне знатока данной местности. Так что моё внедрение в среду жителей Биюк-Узенбаша прошло хорошо. В момент, когда в село вошли русские войска, которые тогда называли Красной армией, я был уже своим, и подозрения на свой счёт у новой власти не вызвал.

Я же с крайней степенью настороженности присматривался ко всему, что происходило вокруг меня. С Красной армией мне пришлось иметь дело дважды. В гражданскую я сражался с ней, будучи ещё юнцом. Тогда я, точнее все мы, белое движение, проиграли свой бой. И вот теперь, четверть века спустя, я снова сражаюсь с ней. Только теперь веду иную, невидимую битву. Уже в качестве сотрудника «Ане-нербе», в штате которой пребываю с момента её возникновения.

Как и в двадцатом году, Красная армия ворвалась в Крым и шаг за шагом отвоёвывает территорию полуострова. Уже под её властью почти весь Крым. Им осталось взять Севастополь. Я же был оставлен на этой территории для выполнения особого задания. Но прежде, чем говорить о нём, требуется сказать несколько слов о своей «миссии» вообще.

Два последних года я провёл в Крыму. Мой район исследования – долины рек Бельбек и Коккозка. В сферу интересов Аненербе данный район попал вследствие моей настойчивой деятельности. Я хорошо знал эту местность, ибо сам родился и вырос в Крыму. Хорошее знание русского и татарского языков, а также легенд Крыма и сведений, почерпнутых у моего отца, занимавшегося изысканиями древностей Крыма, выдвинули меня в число лучших специалистов той научной специальной группы, в которой довелось работать.

Здесь было найдено многое из того, что подтверждало наши предварительные предположения. Вскрылись и многие новые факты, что было сейчас немаловажно. К сожалению, перелом в войне в пользу русских и стремительное наступление Красной Армии заставили вносить в наши планы корректировки или вообще отказываться от тех или иных замыслов. К тому же, мы слишком поздно поняли, с чем именно столкнулись в Крыму. Если бы в своё время сюда были брошены все силы Аненербе, а не только нашей группы 124, результаты были бы иными. В том числе – и на фронтах войны. Я сейчас вижу это отчётливо.

Наша особая группа 124 размещалась в селе Коккозы, в бывшей усадьбе князя Юсупова. Ещё до начала войны с Россией я обращал внимание моего шефа генерала Краузера на чрезвычайную важность этого объекта. И не случайно мы оказались именно там. Кроме того, мне ещё с ранних лет были известны и другие места, требующие пристального вни-

мания Аненербе. Все они находились недалеко от Коккоз. Одно из таких – река Манаготра и стоящее на её берегах село Биюк-Узенбаш.

Глобальность того, что мы успели обнаружить, оказалась столь велика, что меня, ради продолжения нашей работы, оставили здесь на нелегальном положении. Как я уже сказал, внедрение прошло успешно. И пока, находясь в той неразберихе, которая царила в прифронтной полосе, я был уверен в собственной недостижимости для структур советской контрразведки.

Мои откровения по поводу того, как я оказался в Биюк-Узенбаше, слишком скудны, чтобы кто-то мог понять, зачем я здесь оказался. А пояснения относительности глобальных открытий, нами сделанных, слишком туманны и расплывчаты и кажутся голословными. Но всё это только на первый взгляд. Чтобы понять, какой драгоценный бриллиант скрывается в здешних местах, мне надо рассказать всю эту историю с самого начала.

Для меня она началась не в 1942 году, когда Аненербе приступило к изучению Биюк-Узенбаша, и даже не в 1920-ом, когда Белая армия, в составе которой был и я, наводнила Крым, а в 1909-ом, когда мне исполнилось девять лет. В это время юсуповская усадьба в Коккозах уже была наполовину готова. Для облагораживания территории и разбивки двух парков были приглашены садовники из числа надёжных людей. В их число попал и мой дядя Карл. Рекомендацию ему

дал сам архитектор Краснов, который возводил охотничий замок в центре юсуповской усадьбы. А ему о дяде Карле сказал генерал Маркс, бывший товарищем моего отца. Интересы нашей семьи здесь были видны – хорошо пристроить дядю Карла. Что же касается моего отца, который был директором местной школы, то в свободное время он занимался исследованием древностей Крыма. И на этой почве сошёлся с генералом Марксом, который собирал легенды Крыма и был очень пытливым человеком.

Благодаря тому, что дядя Карл оказался в княжеском имении, теперь и я мог иногда бывать здесь. Понятно, в то время, когда отсутствовали хозяева, и не было их гостей. Но пару раз по неосторожности я сталкивался с князем Юсуповым, который мог наведаться в это горное село без какого-либо предварительного уведомления. Мне он показался человеком замкнутым и строгим. Впрочем, никаких препятствий для моего нахождения в усадьбе он не чинил.

Я не знаю, кто был инициатором того, чтобы организовать исследования гор и долин, окружавших Коккозы. Возможно, это прихоть самого князя Юсупова, своего рода увлекательное развлечение на природе. А, может быть, и знающие люди подсказали ему, что в здешних горах действительно скрыто множество тайн прошлого? Сейчас по этому поводу можно строить немало предположений. Но правды мы всё равно не узнаем. Главное, что я знаю, – такие исследования проводились.

В те годы я не слишком интересовался подобными вещами. К тому же, если случайно и подслушивал разговоры старших, то в них меня волновало лишь одно – наличие или отсутствие в здешних горах чего-то волшебного или сказочно-го. И ещё, что мне было интересно – рассказы дяди Карла о царе. Дело в том, что русский император Николай II был другом князя Юсупова (так мне тогда говорили) и неоднократно бывал в Коккозах. Конечно, в это время мне было запрещено здесь находиться, и я даже краешком глаза не мог увидеть царя. Но хотя бы послушать от очевидца, как царь говорит, что делает – тоже было интересно.

Вот так, шаг за шагом, я приобщался к жизни в юсуповском имении. К сожалению, тогда, за малостью лет, я не мог понять многие вещи. Хотя моя цепкая память помогла запомнить немало интересного. Одним из таких ярких воспоминаний моего детства было путешествие на реку Манаготру.

Я очень хорошо помню тот день. Отец вдруг обратился ко мне с вопросом: «Не хочешь ли ты поехать вместе со мной в горы?». Надо сказать, раньше он никогда меня с собой не брал. И подобное предложение я воспринял как признание каких-то прав взрослого человека. Для мальчишки такое отношение очень ценно и важно. Оно повышает собственную самооценку и самодостаточность – тебя заметили!

Конечно же, я с радостью согласился. Позже оказалось, что мы едем не на один день, как я думал вначале, а на

несколько. Это настоящая научная экспедиция! Кроме моего отца здесь были несколько его друзей или коллег, которых я раньше видел или слышал о них. Ещё в состав экспедиции входили люди с какими-то приборами. Как я мог понять, они предназначались для исследования свойств земли. Всего же наша группа состояла из полутора или даже двух десятков человек.

Мы выдвинулись в район села Биюк-Узенбаш и расположились на его окраине. Тогда-то я впервые и оказался в здешних местах. В основном в селе жили татары, и с ними приходилось общаться через переводчика. Я знал татарский язык на самом примитивном уровне. Поэтому с местными мальчишками мне общаться было тяжело. Кстати, именно после этой экспедиции отец и настоял, чтобы я учил татарский язык, мол, это мне в жизни обязательно пригодится. Как видно, его совет действительно оказался дельным. Но как неожиданно мне пригодился татарский язык сейчас, весной 1944 года, когда я сам стал «татарином» Ахметом! Впрочем, я забегаю вперед.

Мы расположились в доме у одного зажиточного татарина. Часть людей спала в доме, часть – в летней пристройке. Кроме того, у нас была большая палатка, которую поставили на соседнем подворье. Мой отец легко сходилась с местными жителями. Он знал их обычаи и язык, к тому же бывал прежде в Биюк-Узенбаше много раз. Впрочем, последнее обстоятельство для меня открылось только сейчас. Я знал, что он любил делать вылазки в горы. Но не предполагал, что предметом его страсти является именно это село.

Татары относились к отцу с доверием. Позже такое доверие распространилось на всех членов нашей экспедиции, в

том числе и на меня. Впрочем, кажется, тогда все события происходили где-то на высшем, недостижимом для моего понимания уровне. Я же был лишь их немым свидетелем, которому лишь по прихоти какой-то небесной силы довелось стать их участником.

Биюк-Узенбаш оказалось очень большим селом. По-моему, даже больше, чем Коккозы. Оно раскинулось в трёх направлениях, исходящих из одной центральной точки, где находилась татарская мечеть. Три этих направления совпадали с тремя ущельями, вдоль которых были протянуты три улицы. Такое расселение по ущельям было привычным и естественным для горного Крыма. Единственное, что отличало Биюк-Узенбаш, – он располагался не в одном, а сразу в трёх ущельях.

Кроме того, по каждому из этих ущелий текла своя река. По самому широкому, которое даже можно было назвать долиной, тёк Бельбек. По самому узкому – Манаготра. И по самому «крутому» и неудобному – Гремяч-река. Все они сходились в один поток сразу за мечетью. Говорили, что прежде три эти реки образовывали озеро, но сейчас его уже не было. Сильные паводки размывали почву, и вода из озера ушла, осушив его дно. Теперь по нему проложили дороги и мостки, а в некоторых местах уже возвышаются татарские дома. Пройдёт время, и от озера не останется и следа. Впрочем, его судьбой я ни тогда, ни сейчас не интересовался.

Меня (точнее сказать – моего отца) занимало место, где

сейчас располагается татарская мечеть. По всему выходит, что она находится на самом берегу этого древнего озера. По сохранившимся преданиям, будто бы здесь когда-то было святилище тавров. Причём – особо чтимое. Сила этого святилища как бы «притянула» сюда мечеть, как духовно близкое по своей сути сооружение. Мой отец справедливо считал, что место, где находится эта мечеть, явно недооценено историками и исследователями Крыма. У него были единомышленники, которые придерживались такой же точки зрения. И тому имелось несколько весьма убедительных объяснений.

Во-первых, само географическое расположение села, укрытого от непогоды и злых ветров высокими горами, а также обильное наличие воды гарантировало поселение здесь людей ещё в древние времена. Во-вторых, в бытность средневекового княжества Феодоро эти земли принадлежали именно ему. Без сомнения, князья использовали такое удобное место в качестве своей вотчины. Возможно, здесь даже жил кто-то из княжеских воевод со своей дружиной. Всё-таки эта земля была уже пограничной, и её требовалось охранять, как форпост княжества Феодоро.

Не исключено, что прежде на месте мечети был христианский храм, который служил передаточным духовным звеном между древним святилищем и современным мусульманским культовым сооружением. Рядом с селом высится гора Сотера, на вершине которой располагался храм Спаса. Соб-

ственно, «Сотера» – это греческое слово, оно и переводится как «спаситель». Всё это явно указывает на присутствие в данных местах остатков княжества Феодоро, которое было частью Византийской империи, где главным языком общения считался греческий. Мой отец справедливо полагал, что храм Спаса на вершине горы Сотера имел прямую духовную и историческую связь с этим древним местом, где сейчас стоит мечеть. Такая связь прослеживалась как в средние века, так и в древности, когда храма Спаса ещё не было. Очевидно, и он построен на месте древнего культового сооружения.

Третьим фактором, указывающим на древность поселения, которое сейчас носит название Биюк-Узенбаш, является наличие древних находок и усыпальниц, которые были открыты на протяжении последних десятилетий. Причём некоторые из них случились непосредственно на территории юсуповской усадьбы в Коккозах в период строительства охотничьего замка и других княжеских построек. Коккозы находятся рядом с Биюк-Узенбаш, и эти два села разделяет лишь громадная гора, одна из вершин которой называется Сотера, о чём я уже говорил. Бесспорно, когда-то эти три точки были как-то связаны между собой и исторически, и духовно.

Четвёртая причина, заставившая говорить о древности Биюк-Узенбаша, это крымские легенды. Если следовать их содержанию и умело соединить одну легенду с другой, то вырисовывается картина прошлого с удивительнейшими вещами. И интересующее нас село всё время находится где-то

рядом с этими повествованиями. Лишь лёгкая вуаль ушедших веков не позволяет явственно отличить то, что скрыто от нас временем. Вот мой отец и желал сдёрнуть эту вуаль и увидеть очевидное.

Только для этого требовалось, как он сам говорил, ухватиться хотя бы за один реальный факт. Таковым он считал место, где сейчас находилась мечеть. Как бы он желал произвести здесь раскопки! Но разве татары позволяют? Никто ведь не разрешит не то что разрушать мечеть или копать под ней, но и даже входить в ее пределы немусульманину. И это справедливо. Как же быть?

Тогда отец и его единомышленники прибегли к иному, нетрадиционному способу изучения истории. Был привлечён один или даже несколько людей из числа тех, кто видит прошлое. Их ещё называли ясновидящими. Они-то и помогли приоткрыть вуаль и заглянуть туда, куда люди давно забыли дорожку.

Конечно, по малости моих лет, да и соблюдая какие-то свои писанные или неписанные законы, отец ничего об этой стороне своих исследований мне не рассказывал. А если бы я и узнал от него что-то невероятное, то просто не смог бы по достоинству оценить суть и значимость сделанных им открытий.

И лишь когда я вырос, а жили мы тогда уже за Уралом, депортированные царским правительством из Крыма в 1914 году, как немецкая семья, отец кое-что мне рассказал.

Именно это «кое-что» послужило основой уже для моих собственных исследований, находясь в группе 124 научного центра «Аненербе». Добавив собственные открытия, у меня сложилась следующая «биография» села Биюк-Узенбаш.

Я начну с самого первого названия поселения, которое здесь существовало в незапамятные времена. Обычно эту эпоху относят ко времени проживания здесь тавров. И я не стану отходить от этого устойчивого научного утверждения. Называлось это городище – Готра. Я пытался как-то расшифровать его, но мне это не удалось. Единственное, что я понял: оно, имея мощную внутреннюю силу, несёт в себе шифр, с помощью которого можно подобрать ключик и открыть заветную дверь в прошлое.

В названии «Готра» явно присутствует два слова: «го» и «тра». Тра – это путь, трасса. А «го» (или «ко») – значит «то, что относится к трассе». О каком пути идёт речь? Может быть, здесь пролегал главный маршрут, ведущий в горы, допустим, на Ай-Петри? Но не исключено, что речь идёт и о каком-то духовном пути. Можно предположить, что в здешних местах находится проход или портал, через который можно попасть в страну зазеркалья или к нашим праотцам.

Все мои предположения могут быть верными. Возможно – все они ошибочны. Ни подтвердить, ни опровергнуть любое из них я не могу. Да и никто не может. Поэтому это название как данность – Готра. Что интересно, одна из рек, на которых стоит это село, называется Манаготра. Здесь явно указывается связь с Готрой. И даже я берусь взять на себя смелость

и расшифровать это название. Манаготра – есть «Мана» и «Готра». «Мана» – значит, «проходящая» (если переводить с древнерусского языка). Иными словами, это расшифровывается как «река, которая проходит через село Готра». Очень понятно и логично.

Из чего можно сделать вывод, что название поселения более древнее, чем название реки. Что само по себе говорит о многом. Обычно, если брать известную мне топонимическую практику, названия даются в обратном порядке. Но в нашем случае это лишь усиливает слово «Готра», которое является здесь фундаментальным.

Кстати, некоторые мои коллеги по нашему отделу предположили, что Готра как-то связана с поселениями готов в Крыму и страной Готией, бывшей здесь когда-то. Но эту версию пришлось отбросить, когда выяснилось, что Готра намного старше времени, когда в Крым пришли готы. Другое дело, что возможно сами готы получили своё название посредством Готры. Но чтобы проследить эту сложную цепочку у меня не хватает ни сил, ни самой жизни.

Другое дело, река Манаготра. Как я говорил, в первой половине этого имени (Мана) мне явно увиделся древнерусский слог. Если говорить более точно – его южнорусской ветви, которую традиционно называют малороссийской или, как теперь – украинской. Я думаю, что малороссы и тавры в глубокой древности составляли одну народность. К тому же и места их постоянного проживания тесно связаны друг с

другом. Отсюда и такое «малороссийско-таврское» название реки Манаготры.

Теперь я перехожу к следующему историческому пласту. Он связан со временем, когда появилось княжество Феодоро, и целый ряд земель юго-западного и горного Крыма попал под его зависимость. На карте полуострова стали появляться новые названия, в которых прослеживался греческий след. Византия, частью которой являлось княжество Феодоро, стало проникать в самые сокровенные места Крыма. Менялся этнос, традиции и частично язык. Такой же трансформации подверглась и Готра. Греки называли это поселение на свой лад – София (у них произносилось как Софиос).

Судя по всему, князьями Феодоро вкладывался свой конкретный духовный смысл в такое название. Напомню, что и главный храм Византийской империи в их столице Константинополе был освящён во имя святой Софии. Само это имя – шифр. Ибо в переводе с языка эллинов (премудрость Божья), оно значит очень много. У меня нет сомнения, что князья ведали о тайнах здешних мест. Как они им достались, я, конечно же, не знаю. Возможно, сохранились предания местных жителей или свидетельства, запечатленные на бумаге и хранящиеся в старых архивах. Нам действительно удалось выйти на след какого-то древнего поселения Софиос, в котором обретали жрецы и люди с выдающимися духовными способностями. Но об этой ли Софии идёт речь, либо о какой другой, понять невозможно.

Но одно интересное местечко нами было обнаружено. Я сейчас уже говорю не об экспедиции, в которой участвовал мой отец, а перемещаюсь на три десятилетия вперёд, когда в таких исследованиях участвовал и я сам.

Находилось оно на склоне горы Каблук-кая со стороны Гремяч-реки. Мы его, про себя, называли «селением шаманов». Здесь и в самом деле происходило нечто необычное и непонятное, чему нет никакого логического объяснения. И я даже не нахожу подходящих слов, чтобы описать происходящее, как будто бы всё время нахожусь под силой колдовских чар.

Один лишь наш медиум, да и то косвенно, смог подтвердить данное предположение. Он увидел древний ритуал, который проводился именно здесь. Я бы назвал его ритуалом-посвящением. В ходе его десять юношей (медиум мог ошибиться числом – в ту или иную сторону) посвящались в жрецы. Каждый из юношей держал в руке фазана (как образное олицетворение фазы, стадии, ступени). А в конце ритуала им всем выбривали наголо левую половину головы. Понятно, всё это имело свой смысл и своё духовное значение. Но проникнуть в его суть мы не смогли. Там установлена некая защита, не пускающая чужака.

Но нам всё-таки удалось установить следующее. Данный ритуал посвящения очень древний. Его ещё проводили тавры. Затем эту традицию подхватили греки-язычники. А уже от них она перекочевала к грекам-византийцам. Допускаю,

что таким образом сохранилась древняя преемственность, связанная с этим местом. Но не думаю, что в период княжества Феодоро вкладывался тот же смысл при посвящении юношей, что и во времена тавров.

Когда я говорил о том, что «София» связана с мудростью и внёс предположение, что здесь могли обитать мудрецы и маги, то предполагал найти точные места их духовных центров. Думаю, одним из них было место, где проводился ритуал посвящения. Почему-то мне и моим коллегам кажется, что здесь существовал монастырь наподобие того, какие наши сотрудники из «Аненербе» встречали на Тибете. И такая параллель вовсе не прихоть нашего воображения. Здесь прослеживается какая-то тайная связь.

Об этом месте, как древнем духовном центре, я ещё скажу отдельно. Просто сейчас я рассказал о нём, как о возможном первоисточнике для появления греческого названия села – София (Софиос).

Добавлю, что параллельно с этим существовало и второе, «народное» название села. Почему-то оно было распространено среди греков (или тавров?), живших высоко в горах, и произносилось оно как Понтос. Название непонятное. Обычно слово «понт» переводится с греческого как «море». Но какое же море в горах?

Единственное объяснение у меня было следующее. Если смотреть с вершин близлежащих гор на это село, то оно, утопая в зелени, напоминает морскую гладь. Но такое сравне-

ние под силу лишь поэту. Конечно, греки наделены чувством прекрасного и поэтический дар им не чужд. Но чтобы так тонко чувствовать и видеть – надо обладать настоящим талантом. Неужели жители гор и вершин были поэтами? Не знаю. Если это правда, тогда я ничего не понимаю в прошлом Крыма.

Теперь дошла очередь сказать и о последнем, татарском названии села – Биюк-Узенбаш. Правильнее говорить – Būyūk Ōzenbaş (Бююк Озенбаш). Переводится оно просто – Большая голова источника. Понятно, что говорится о том, что именно здесь три реки сливаются в одну, и уже отсюда, как из мощного (большого) источника полноводный Бельбек несёт свои воды по долине, пока не впадёт в Чёрное море. По определению – это гидротопоним, ясно указывающий на центр (голову), откуда Бельбек черпает свою силу.

Теперь нам предстоит понять, почему татары, увидев очевидное, и правильно (географически) назвав своё село, тем не менее не зафиксировали в названии таившуюся здесь древность.

Глава II

Тени прошлого

1

Здесь я вынужден остановить свой рассказ и вернуться к моменту, когда впервые оказался в Биюк-Узенбаше. Я говорил, что мы поселились у одного татарина в большом доме. Но сама экспедиция охватывала значительный район. И люди уходили в горы на десятки километров. Я пока ещё не мог совершать такие походы, поэтому ограничивался окрестностями села. Тем более, как выяснилось, здесь тоже было много чего интересного.

На третий или четвёртый день отец взял меня с собой. Он хотел показать мне одно занятное местечко. Находилось оно недалеко от Биюк-Узенбаша. Там начиналась Гремяч-река, которая, как я уже говорил, впадала в Манаготру в точке, где сейчас стоит татарская мечеть.

Мы оказались в глухом ущелье, по дну которого стремительно неслись потоки воды. Это и была Гремяч-река. Странное название. Кстати, татарский вариант названия я так и не запомнил, хотя мне его говорили, и не раз. В некоторых местах я видел остатки каких-то фундаментов и даже

стен. Отец сказал, что в древности здесь жили люди. Я удивился. Очень уж место непривлекательное. Но он уверил меня, что на самом деле всё не так. Просто за последние столетия здесь вырос густой лес. А оползни и обвалы изменили рельеф местности, сделав его суровым и непривлекательным. Хотя и эта суровость и дикость щемяще манили к себе. Так бывает, когда вернулся на свою обетованную землю.

Я поделился своими впечатлениями с отцом. Но он ничего не сказал. Очевидно, я просто не смог правильно выразить мысль. Или отец сделал вид, что не понял меня...

Наконец мы подошли к нужному месту. Здесь, прямо по центру ущелья, я увидел нагромождение гигантских каменных глыб. Они образовывали грот, похожий на створки гигантской ракушки, в который можно войти. Отец показал рукой вниз. И мы аккуратно спустились в грот.

Перед собой мы увидели завораживающую картину летящей сверху воды. Это был водопад! Какие-то неожиданные подсветки бьющего из щелей солнца позволяли потокам искриться в темном пространстве грота, будто бы вода была волшебной. Водопад был небольшой – менее трёх метров, но от него невозможно было отвести глаза.

Отец неожиданно обратил моё внимание на какие-то камни вблизи водопадной струи. Они были круглые и гладкие, как шары, величиной с крупное яблоко или даже небольшой арбуз. Лежали целыми гроздьями, тесно примыкая друг к другу. Причём эти каменные шары были и внизу, где водо-

пад образовал небольшую ванну (здесь скапливалась вода), и вверху, откуда поток только начинал своё падение вниз.

Я подивился столь странному природному образованию. Понятно, тогда я не мог дать объяснения, как смогли каменные шары возникнуть в таком гигантском количестве. Да и сейчас, спустя десятилетия, вооружённый знаниями и многое в жизни повидавший, не могу понять это чудо природы. Никак естественным путём такие каменные шары, да ещё в таком множестве, образоваться не могут. Хочу лишь добавить, на что это похоже, – либо на рыбью икру, только в гигантском увеличении, либо на пену (в виде пузырей), образованную от падения воды. Только пена-то – каменная...

Видя моё замешательство, отец пояснил, что данное место татары считают святым. И таковым оно является с глубокой древности. Татары имели один день в году, когда приходили сюда на поклонение. Явно это был не мусульманский обряд, и тем не менее местные жители упорно ему следовали.

Отец сказал, что его самого ни разу не допустили на проведение ритуала. Он лишь знал, что татары здесь желали счастья и любви молодым семьям, а девушки приходили ради обретения суженного. В определённом смысле речь шла о некоем ритуале, связанным с семейными узами и обретением любви.

Мне, тогда мало что понимавшего в подобных вещах, такое поклонение каменным шарам и водопаду казалось диким. Как они могут помочь человеку? Видя моё недоумение,

отец вдруг спросил, хорошо ли я знаю историю и мифы древней Греции. Я ответил, что хорошо. Тогда он попросил меня повнимательней прочесть те страницы, которые касаются Афродиты. Я пообещал, хотя мне сделалось стыдно. Об этой богине эллинов я действительно мало что знал. В те годы меня увлекали лишь подвиги Геракла...

Забегая вперёд, скажу, что я постарался исполнить волю отца и перечитал всё, что мне в то время было доступно и касалось личности Афродиты. Сведений – на целую книгу. Но я выбрал два факта, на которые следовало обратить внимание. Один из них говорил о месте рождения Афродиты. Как известно, её считают рождённой из морской пены. Грозди каменных шаров, которые так меня поразили в истоке Гремяч-реки, действительно, очень напоминали пену, образованную от брызг водопада. А грот, в котором он находился, похож на створки открытой раковины (так на картинах изображали Афродиту, выходящую из пены). Одно из древних названий селения, где расположен данный водопад с каменной «пенной», – Понтас, что с греческого переводится как «море». Не отсюда ли пошло поверье о морской пене, из которой якобы родилась Афродита?

Вычитал я и другое. Афродита была богиней любви. И к её помощи обращались в подобных случаях. В легендах Греции об этом написано немало. Но и татары, проводившие свои ритуальные действия у водопада, обращались с подобными же просьбами. К тому же, как я говорил, эти ритуалы древ-

ние, и корнями уходят в глубокое прошлое.

Когда я всё сопоставил, то вдруг стал понимать, что татары поклоняются вовсе не каменным шарам, которые похожи на застывшую пену, и не водопаду, вода которого искрится, источая волшебное сияние, но чему-то иному, явно здесь обитающему.

Я пришёл к отцу и выложил ему свои предположения. Он похвалил меня и сказал, что думаю в правильном направлении. И даже был удивлён моим далеко идущим выводом.

Конечно, это был такой метод воспитания. Отец мог бы сразу мне всё сказать сам, ещё возле водопада. Но он поступил по-иному, предоставив возможность мне самому во всём разобраться. И я своим умом, без какого-либо посредства сумел разгадать этот ребус. Надо сказать, он и раньше подбрасывал подобные задачки, тренируя мой мозг. Так что я уже был готов анализировать факты и делать верные умозаключения. Можно сказать, то, что я выяснил мифологическое место рождения Афродиты, для меня было личным достижением. И очень повысило собственную самооценку, как человека мыслящего.

Образно всё, что связано с водопадом и каменной «пенной», я назвал «тень Афродиты». Надо сказать, в последующем эта тень указала нам (отцу, конечно) на другие, весьма примечательные места. Но вначале...

Я вновь возвращаюсь к водопаду. Рядом с ним было несколько очень красивых мест, которые отец и его спутники решили тщательно обследовать. На какое-то время я оказался вне бдительного ока моего родителя и, поддавшись общему энтузиазму, решил и сам проявить способности следопыта.

В одном, весьма сложном месте, я поскользнулся на камне и полетел в воду. Хорошо, что оказалось неглубоко. Но холодная вода, растерянность и сложность выбраться на берег привели к тому, что я в такой ванне провёл много времени. Очень злился на собственную неуклюжесть и постарался скрыть от отца факт своего падения.

Конечно, он всё узнал и тут же отправил меня в село с одним из провожатых. Но было поздно. Кажется, я заболел. Когда отец и его спутники вернулись в Биюк-Узенбаш, меня уже знобило. Татары суежились возле меня, стараясь принять быстрые меры. Но уже было ясно, что на следующий день я в горы не пойду. А ведь завтра намечалась экспедиция по руслу Манаготры! Я так желал оказаться в числе счастливых, но...

Утром я себя чувствовал хорошо, а к вечеру жар усилился, и меня уложили на лавку в большой комнате со столом. В один момент я уснул и на какое-то время потерял счёт време-

ни. Сквозь сон до меня доносились голоса людей, стук двери. Видно, кто-то входил или выходил из комнаты. Я знал, что скоро вернётся отец и в ожидании его проваливался в бездну сна.

И вдруг я очнулся от каких-то голосов. Один, незнакомый мне человек, спрашивал по-русски, кто здесь спит. А второй отвечал ему – здесь болеет ребёнок. У него жар. Первый голос сказал, что татарчонок им не мешает. Пусть спит.

Из этой невнятной беседы я понял, что это не отец вернулся, а пришли новые, неизвестные мне люди. Единственное, я удивился, почему меня называли «татарчонком»? Видно, хозяин дома что-то не так сказал или же спрашивавший неверно его понял.

Я закрыл глаза и снова хотел уснуть. Но те двое стали шуршать какими-то бумагами. И этот звук раздражал меня, не давая возможности расслабиться. В помещение вошло ещё несколько человек. Теперь гул голосов разбудил меня окончательно. Люди что-то оживлённо обсуждали. По обрывкам фраз я понял, что речь идёт об исследованиях, проводимых на реке Манаготре.

Кто-то, из вновь вошедших, увидел меня и предложил говорить тише. А второй говоривший и вовсе вдруг перешёл на немецкий. Если бы не такие меры предосторожности, то я наверняка не прислушивался бы к этому разговору. Но любопытство возобладало. Тем более, когда стали говорить по-немецки. Явно, никто из этих людей обо мне понятия не

имел, иначе бы они знали, что я немецкий мальчик и сейчас прекрасно понимаю, о чём они говорят. Но откуда взялись эти люди? Выходит, у нашей экспедиции был и «второй состав», о наличии которого я даже не догадывался.

Несколько раз в их разговоре проскальзывало имя-отчество Николай Александрович. Так обращались к одному из присутствующих на этом тайном сборище. Вскоре я понял, что именно он и является здесь главным. Но кто этот человек? Я знал, что среди спутников отца есть геологи, картографы, инженеры и учёные. А кем был Николай Александрович?

Но дальнейшая беседа отвлекла меня от различных предположений. Говорили о каком-то механическом человеке. Долго спорили, даже кричали, доказывая что-то важное. В комнате сделалось жарко. Может быть, у меня снова повысилась температура? Вскоре я уснул и стал бредить.

Из забытья меня вывели громкие голоса. Вновь обращались к Николаю Александровичу с какими-то предложениями. Он отвечал тихо, но категорично: «Всё, всё. Решение принято. Иного не будет». Я не понимал, о чём речь, но все эти люди мне порядком надоели.

Снова стали говорить о механическом человеке. О том, что какой-то местный житель видел его на Манаготре. Перед этим была сильная вспышка в ущелье, а затем ему привиделся в облаке дыма силуэт этого человека. Как будто бы он поднялся вверх, а затем рассыпался на части. Таковой была

его смерть.

Как ни плохо я себя сейчас чувствовал, но механический человек меня увлёк за собой. Мозг стал лихорадочно работать, фантазируя всяческие сказочные сюжеты. Впрочем, все они были далеки от реальности. Затем вдруг стало тихо, и я вновь уснул.

А проснулся от прикосновения к моей голове чей-то ладони. Вернулся отец. Я хотел тут же расспросить его о странных людях и механическом человеке, но не успел. Был сильный жар, и меня спешно принялись лечить. А затем я уснул. До утра.

На следующий день с отцом поговорить не удалось. Он с восходом солнца ушёл в горы. Чувствовал я себя удовлетворительно, и мне разрешили погулять по двору. Там-то и повстречался мне наш гостеприимный хозяин-татарин. Я попытался выведать у него, кем были эти незнакомцы, что накануне приходили в дом? Но он с большим удивлением посмотрел на меня – какие такие люди? Не было никого. Впрочем, днём он уходил в лес, дома не был.

Тогда я подступил к нему с другой стороны. И попросил рассказать о механическом человеке, который бродит в окрестных горах. Я подумал, что татарин поднимет меня на смех, посчитав фантазёром. Но он отнёсся к моему вопросу серьёзно, сказав, что есть такая местная легенда. Будто бы время от времени видят этого чудо-человека в урочищах реки Манаготры.

И каждое его появление предвещает что-то важное. Как начало нового года. А затем он пропал. Якобы люди видели вспышку и его растаявшую в облаке тень. Это было плохим знаком.

Я уточнил, стоит ли бояться этого механического человека? Татарин ответил, что люди зла от него не видели. А то, что он перестал появляться – может навлечь на всех большую беду. Впрочем, я ещё мал, чтобы это понимать.

После разговора с татаринном мне вдруг сделалось грустно. Какой-то холодок поселился у меня в груди, и тело стало знобить. Может быть, снова жар? Я пошёл и лёг в постель. Но мысли мои витали в таинственных дебрях реки Манаготры. Вдруг стало страшно за отца. А вдруг этот механический человек вновь появится, и что если он не такой уж и добрый, как говорит татарин...

С большим трудом я дождался его возвращения с реки и как только увидел, радостно бросился ему на грудь. Отца, человека строгого и внешне не допускавшего никаких ласк, такой мой порыв, конечно же, удивил. Но он растолковал его по-своему – очевидно, он подумал, что я просто выздоровел. Впрочем, я действительно чувствовал себя хорошо.

Конечно, я стал расспрашивать отца о тех людях, которых видел вечером. Они явно знали о нашей экспедиции, но находились как бы в тени, не проявляя себя. Но отец сказал, что ему ничего не известно. Тогда я спросил, не знает ли он такого геолога или картографа по имени Николай Алексан-

дрович. И здесь я услышал сходный ответ – в экспедиции таковых нет.

Тогда я поинтересовался, что ему известно о механическом человеке. Добавив от себя те сведения, которые я получил от татарина. Но отец меня явно разочаровывал. Он ответил, что это местная легенда. Но стоит ли ей верить? И тут же добавил, касательно меня самого, мол, у меня был сильный жар, я бредил, и всё, что связано с появлением каких-то чужих людей в моей комнате, их странные разговоры – это плод моих фантазий, связанных с болезнью и бредовым состоянием.

Конечно, часть правды в его словах была. И всё-таки таким ответом отца я был крайне разочарован. Почему он не захотел поверить мне?

На следующее утро отец взял меня с собой. Это был последний день работы его экспедиции. Многие товарищи отца уже паковали вещи, собираясь домой. Мы же решили прогуляться вдоль берега Манаготры, но недалеко, не выходя за пределы Биюк-Узенбаша. Наверное, отец просто хотел как-то развлечь меня, компенсируя вынужденные дни «простоя», связанные с моей болезнью.

Своё путешествие мы начали от татарской мечети, и стали неспешно двигаться по берегу. Справа и слева от нас высились татарские дома. Некоторые были добротные, двухэтажные, что говорило о достатке местных жителей. Далее наш путь пролегал по хорошо укатанной улице по левому берегу Манаготры. Из-за татарских усадеб, отгороженных друг от друга невысокими каменными заборами, река время от времени пропадала из вида. Но позже мы её вновь видели. Ничего интересного для себя я пока не узрел и потому стал терять интерес к нашему походу.

Но мой отец явно что-то знал и готовил мне сюрприз. Остановившись возле какой-то усадьбы, он указал на ряд камней, выступающих из земли. Камни были большие, ровные и хорошо подогнанные друг к другу. Сверху они были гладкими, как отшлифованные. Впрочем, во многих местах камни были повреждены и выщерблены.

– Это Коло, – сказал отец.

Я не понял, о чём он говорил. И уточнил, зачем он ряд камней назвал «колом»? Как выяснилось, диаметр этого кола или, говоря современным языком – круга, был около 25 метров. Мы же стояли на его каменной окружности, лишь частично видимой из земли. Чтобы обойти его полностью, требовалось перелезть через ограды между усадьбами, проникать вовнутрь хозяйственных построек и проходить через сады.

Отец пояснил, что это коло очень старое. Татары строили свои дома и разбивали границы усадеб прямо по нему, не ведая о прошлом и назначении этого древнего кольца. Скорее всего, данное каменное коло относится к духовно-магическим сооружениям, и время его постройки надо искать в той же эпохе, когда возникли каменные шары (пена) водопада. Это звенья одной цепи и одной, нам неизвестной, цивилизации.

Я думал, что теперь мы вернёмся в дом приютившего нас татарина, но ошибся. Отец повёл меня дальше. И вскоре мы стояли на втором кольце. Здесь часть дуги прослеживалась очень хорошо, но дальше каменный забор мешал мне увидеть её продолжение. Неужели татары никогда не задавались вопросом о предназначении этих колец? Эта мысль всё время не выходила у меня из головы. Конечно, я спросил об этом у отца. Но он лишь повёл плечами.

Затем мы подошли к третьему кольцу, на части которого

была устроена улица, и громадные камни дуги кола служили для неё подпорной стенкой. Моему удивлению не было предела. Настоящее циклопическое сооружение! Как древние люди и, главное – для чего, могли их создать. Но и это ещё было не всё. Видно, отец собирался поразить меня окончательно, когда подвёл к четвёртому каменному коло. «И все они, – сказал отец, – абсолютно одинаковы по размерам. Их создавал великий геометр».

К сожалению, из-за рельефа местности и большого числа татарских построек и растущих рядом с ними деревьев, было невозможно рассмотреть четыре каменных коло вместе. И я посетовал, что грандиозность этих сооружений скрывается за современными домами. Всё-таки мы находимся чуть ли не в центре села. И тогда отец повёл меня по узкой тропинке, проложенной между двумя соседними подворьями. Пройдя мосток, переброшенный через Манаготру, мы стали подниматься вверх, на гору Каблук-кая.

Такая интересная особенность у села Биюк-Узенбаш. Можно очень долго идти по нему в одну сторону, а затем окажется, что ты находишься рядом с противоположным его концом. Просто он скрыт за ближайшей горой. Каблук-кая с одной стороны хранила остатки места, где ещё греки проводили ритуалы-посвящения для молодых парней. А с другой – всю бушевала мирская жизнь...

Поднявшись выше села метров на тридцать-сорок, отец остановился и стал показывать расположение на местности

каменных колец. Отсюда, как на карте, было хорошо видно, что эти гигантские (как по мне) сооружения отстоят друг от друга на одинаковом расстоянии. Понятно, что делалось это с определённым умыслом.

Все четыре кола, если провести линию от первого до последнего, вытянулись вдоль Манаготры, совсем рядом от берега. Река как будто касалась каждого из колец, передавая им свою живую силу. Она даже показалась мне ниточкой, соединяющей кольца воедино.

Я поделился с отцом своим предположением. И он похвалил меня, добавив лишь, что в древности Манаготра взаимодействовала с этими каменными колами. Очевидно, именно они и назывались «Готра» (Котра), откуда пошло первое название села. А Манаготра – значит «минует (проходит) через Готру». По крайней мере, логика в этом есть.

Я спросил у него, а как Манаготра взаимодействовала с Готрой? И отец ответил, что, скорее всего, вода заходила в каждое коло, проходя по нему. Затем точно также она проходила все последующие коло. В это же время на верхней кромке коло стояли люди и творили какие-то древние песнопения...

У меня после слов отца даже голова закружилась. Я на миг представил эту картинку и почувствовал в душе неимоверной силы восторг. Здесь и в самом деле происходило нечто великое. Здесь таилось с древних веков волшебство! Впрочем, тогда, восторгаясь увиденным, я не мог ещё ни понять,

ни осознать величины сделанного нами открытия.

Отец вдруг сказал мне, что в Биюк-Узенбаше много старожитов. Неизвестно, связано ли это с особенностями горной местности и необыкновенно целебным климатом, или же здесь прослеживается влияние Манаготры и множества духовных святынь, таящихся под покровом земли.

Но и это было ещё не всё. Недалеко от нас, на склоне горы, высились строения, на которые я не обращал особого внимания. Они часто и густо заросли кустарником и деревьями, так что толком рассмотреть их было невозможно. Я вообще считал, что это татарские хозяйственные постройки или даже жилые дома, взгроможденные на склон горы.

Отец пояснил мне, что на самом деле – это башни. Всего их четыре. По количеству они совпадают с числом каменных колец. И в этом явно прослеживается закономерность. Они как-то с колами объединены. Здесь таится какой-то общий замысел.

Мы попытались, как могли, обследовать если не сами башни, то хотя бы подходы к ним и рассмотреть внешний вид. Нижние ярусы камней (по крайней мере, у двух башен) были сложены из крупных блоков. Очевидно, это очень старые фундаменты. А дальше – шли ряды с камнями поменьше. Отец мне объяснил, что нижние и верхние слои относятся к разным эпохам. Очевидно, башни неоднократно перестраивали или восстанавливали после катаклизмов. Их следует тщательно изучить. Явно назначение этих башен ка-

кое-то необыкновенное, и оно пока недоступно нашему пониманию.

В течение пяти лет отец занимался изысканиями в районе Биюк-Узенбаша. Но с собой он меня ни разу не брал. Как я выяснил позже, он и его коллеги получили негласный запрет на распространение сведений, касающихся открытого ими в крымских горах. От кого подобный запрет мог исходить, я, конечно же, не знал. Судя по всему, из области любительских исторических исследований всё, что делал отец и его друзья, очень быстро переключалось в разряд государственной тайны.

Повторюсь – ничего этого я, конечно же, не знал. Лишь спустя десять лет отец приоткрыл мне завесу. Тогда мы уже жили за Уралом, сосланные сюда как немецкая семья ещё в 1914 году. Но ко времени моего восемнадцатилетия Российская империя уже пала, царская власть была низвергнута, и любые прежние отцовские обязательства потеряли свою силу.

Вот тогда я и получил ответы на многие вопросы, которые задавал десять лет назад. Начну с башен, о которых только что вёл разговор. Назывались они «свични». Это слово соединяло в себе два понятия – «свеча» и «вечность». Они и внешне чем-то напоминали свечи. На их крыше, как утверждал отец, были установлены линзоподобные сооружения. Очевидно, здесь либо возжигались ритуальные огни, либо

линзы каким-то образом фокусировали солнечный свет для зажигания огня. В любом случае они были функциональными. Их ещё можно назвать «маячными». Если бы наш разговор происходил не в 1918 году, а допустим, в 1944, то я бы с учётом накопленных знаний назвал бы их сигнальными. Такие используются на аэродромах для корректировки посадки самолётов в плохую погоду. А что если каменные круги и служили для таких целей – они были стартовыми и посадочными площадками для летательных аппаратов с вертикальным взлётом. Конечно, я сейчас высказываю лишь предположение, которое ничем нельзя подкрепить, и тем не менее...

Отец рассказал и о том, почему эти башни носят название «свични» (свечные). Об их похожести на свечи и линзах для огня я уже говорил. А вот вторая трактовка этого названия – «вични» (вечные), меня долго ставила в тупик. Оказывается, у Манаготры имелось и второе название – река Вечности. А в древнем произношении звучало – Вична-рика. Выходит – это те сооружения, которые связаны с рекой Вечности, что закреплено в их названии – свични «с вечной» (находящиеся рядом с вечной рекой). Возможно, и само слово «свеча», более позднее по происхождению, произошло от имени этих башен, которые таковыми были по своей функции.

Удивляет то, что название этих башен, как и второе название реки Манаготры, явно древнерусского, точнее сказать, малороссийского происхождения, впрочем, как я уже говорил, ранее и сама Манаготра тоже наполовину (если не полно-

стью) суть древнерусское слово. Это указывает на древние корни этого места, очевидно когда-то бывшее русским, либо тавры, о которых мы мало что знаем, и обитавшие в здешних краях, были теми самыми древнерусами. Если бы нас не депортировали в 1914 году из Крыма, отец, немец по национальности, мог бы докопаться до этой тайны и, возможно, открыл бы древнерусские корни, преподнеся тем самым всей России неоценимый подарок. Но этого не случилось. Если бы не грянула революция и гражданская война, он мог бы уже свободно приехать в Крым и продолжить свою работу. Но кровавые события в России помешали ему это сделать. Так он и не завершил главную работу в своей жизни.

Вот что я узнал ещё от отца. Он рассказал, что местная легенда о механическом человеке была, оказывается, основана на реальных фактах. Тому было несколько подтверждений. Одно из них – самое главное. Членам экспедиции, в которую входил и мой отец, удалось обнаружить место, где татарин видел облако с частью «воспаряющего» в небо механического человека, а перед этим – яркие вспышки на поверхности земли, напоминающие разряды грома.

После тщательного осмотра местности они выявили аномалию, где компас вёл себя крайне странно. Здесь, на земле, лежал сгусток какого-то вещества, по контуру напоминающий действительно человека, только очень большого. Пробы этого вещества, взятые на анализ, показали в нём огромное число металла. Точнее сказать – это был сплав или спла-

вы. Причём некоторые не имели аналогов на земле, поэтому учёные затруднились сделать вразумительное заключение по поводу технологии изготовления этого материала и его составных частей.

Данная находка необыкновенно вдохновила участников экспедиции. Её результаты были доложены на самый верх. Но вместе с тем возник вопрос, который не давал никому из исследователей – друзей и соратников моего отца – покоя. Кто и когда мог сотворить такое чудо? Каким интеллектом и техническим потенциалом надо обладать, чтобы сотворить механического человека и обеспечить ему долгую жизнь. А сколько он жил? Век, два, десять веков... Местные жители не ведали того, для них механический человек существовал всегда. Но татары появились здесь в средние века, до них в здешних местах какое-то время жили греки, а ещё раньше – тавры. Что же, эти дикие аборигены (какими мы их считаем) сумели произвести на свет такое чудо? Нет, здесь что-то не так...

Даже если сложить воедино все разрозненные факты, с которыми мой отец имел дело, картина вырисовывалась удивительная. И каменные коло на земле, и башни-свечи, и механический человек, и многое другое, на что я уже обращал внимание, являлись ничем иным, как жалкими остатками когда-то процветавшей здесь древней цивилизации. От одной мысли, что это правда, у меня кружилась голова.

И вот о чём я хочу ещё сказать. Если следовать легенде,

которую мне удалось услышать о механическом человеке, то каждый раз его появление указывало на начало чего-то нового в жизни всего общества (а не только жителей одного села). И разрушение этого человека – есть акт крушения данного общества, его устоев. Можно сказать, смерть механического человека была предтечей развала Российской империи и кончины династии Романовых.

Те из числа соратников отца, кто почувствовал ещё в 1909 году всю глубину трагедии царской России, которая неминуемо должна случиться, впали в великий пессимизм по поводу своего будущего. Даже возникали мысли восстановить механического человека, и горячие головы были готовы создать новое техническое чудо. Но все проекты сыпались, как песок. Река Манаготра лишилась своего хозяина. А все мы – великого покровительства прошлого. Как ни печально, но это факт.

Впрочем, когда отец в 1918 году всё это мне рассказывал, я ничуть не сомневался в справедливости его слов. К тому времени катастрофа уже произошла, и самые жуткие прогнозы, которые можно было строить десять лет назад, к сожалению, оправдались.

Сказал отец и следующее. В том, далёком (уже далёком!) 1909-ом году я, действительно, видел (точнее – слышал) рядом с собой русского императора Николая II. Он, конечно, не был в составе экспедиции, но инкогнито наведывался в район, где экспедиция проводила свои исследования. В це-

лях конспирации его называли Николаем Александровичем. Поэтому я вовсе не бредил, когда видел рядом с собой странных людей. А то, что они говорили о механическом человеке (как и многом другом!), лишь указывало на особый интерес государя-императора к случившемуся здесь открытию. И если это так, то можно лишь представить, какое значение тайны Крыма имели для царской России и лично императора. Впрочем, как всегда, я начинаю уходить из области реальных фактов в область беспочвенных предположений...

Но об одном, очень горьком для меня случае, я вынужден сообщить. Вскоре после того, как отец рассказал мне о действительных открытиях, сделанных на реке Манаготра (о других я пока умалчиваю), пришло сообщение, что в Екатеринбурге расстреляна царская семья, и Николай II погиб. А через какое-то время в наш дом пришли большевики и забрали отца. Он был расстрелян, как сочувствующий контрреволюции. На самом деле, если он и сочувствовал, то лишь в душе. Отец никаких действий против большевиков не предпринимал.

Позже я думал об этих смертях – не были ли они связаны друг с другом? Может быть, отец, взявший когда-то слово молчать, не имел права ничего мне рассказывать, ибо эта тайна не имела срока разглашения? А когда он вслух сказал запретные слова, в мире стали происходить явления, которые привели к гибели уже давно низвергнутой и потому неопасной царской семьи. А следом – и расстрел такого же

неопасного для большевиков моего отца.

Мне всё чаще приходила в голову мысль о совершённом жертвоприношении с убиением невинных и незащищённых людей. И хотя всё свершилось на Урале, но мне виделось иное – жертвоприношения были совершены там – в ущельях Манэготры, где однажды пал на землю и рассыпался в прах механический человек.

Глава III

Страна крепостей

1

Наверное, теперь пришла очередь рассказать о том, что же всё-таки было сокрыто под сенью гор, рек и татарских построек, и чему я однажды стал случайным свидетелем. Повторяюсь, на это отец открыл мне глаза лишь в 1918 году, незадолго до своей смерти. Кое-что я затем почерпнул, когда перебирал его бумаги. Другие сведения стали мне доступны годы спустя, когда я оказался в научном центре организации «Аненербе». Все эти годы я шёл по следу, однажды взятому в Крымских горах. И этот след вывел меня... Но, обо всём по порядку.

Я вернусь к тому, с чего начались исследования моего отца – с татарской мечети на берегу Манаготры в селе Биюк-Узенбаш. Было предположение, что мечеть построена на более старом культовом сооружении, либо оно было переосвящено в мусульманскую мечеть. Эта традиционная практика часто использовалась господствующими нациями, когда они расселялись на землях побеждённых ими народов. Но тонкости конкретного случая с мечетью в селе Би-

юк-Узенбаш заставляют увидеть больше, чем может показаться на взгляд даже посвящённого в тайны исследователя. Нам не удалось выяснить названия самого первого святилища, устроенного ещё таврами и представлявшего собой круг. Но мы знаем точно – по диаметру он был таким же или чуть меньше, чем и круги Готры. Скорее всего, связь между ними прямая, тем более что Манаготра, пройдя первые четыре круга, затем плавно обтекала и этот, пятый, соединяя за ним свои воды с Гремяч-рекой. Здесь явно присутствуют следы какой-то глобальной духовной системы, имевшей в прошлом фундаментальное назначение.

Затем, в центре этого, пятого коло, был построен храм во имя греческого бога Гермеса. Судя по названию, он относился к языческому периоду эллинской истории. К сожалению, сведений, что здесь проживали в этот период греки, не сохранилось, поэтому можно лишь строить предположения относительно этого греческого духовного островка на землях тавров. Может быть, и тавры знали Гермеса, только история утаила от нас сей факт?

Кстати, следует привести один эпизод греческой мифологии. Эллинам почитали Гермеса за многие его деяния. В том числе за то, что именно этот бог принёс людям знания и был обладателем золотого жезла, в котором сосредоточилась вся магическая сила. Но самое главное – именно он был проводником в потусторонний мир и, по существу, тем, кто стоял на Вратах, соединяющих мир мёртвых и живых.

Не знаю, чем именно руководствовались древние, нарекая этот храм именем Гермеса, но ошибиться в выборе названия они не могли. Очевидно, здесь присутствует его влиятельная сила. Я уже говорил, что в некоторых таинственных и необъяснимых местах сам чувствовал нечто необычное, сопоставимое с проявлением волшебства какого-то магического действия. Но если эти многочисленные обстоятельства собрать воедино, то не трудно сделать вывод, что вся россыпь нематериальных проявлений явно указывает на пограничную территорию между мирами – видимым и невидимым, или миром живых и миром мёртвых. А ведь Гермес и является той сущностью или тем богом, чьей функцией является осуществление перехода между этими несовместимыми измерениями пространства. Он здесь главный.

Если встать возле мечети (то есть бывшего храма Гермеса) и повернуться лицом на восток, то нетрудно увидеть, как перед тобой расстилаются два ущелья, расходящиеся – одно вправо, а другое – влево. Из этих ущелий, как из иного мира, навстречу тебе катят воды Манатотра (река Вечности) и Гремяч-река. Их начала скрыты от нас горами. Но скрыты и иным пространством. Воды в них – предвечные, обладающие невероятными качествами. Но разгадать их можно при одном условии – если владеешь ключом к тайнам прошлого. Иными словами, если ты наделён способностями мага и силой творить волшебство. То есть – являешься Гермесом.

Думается, в древности в этом храме творились великие

мистерии и пребывали в нём люди высочайшего духовного уровня. Поэтому, наверное, разумно всю эту местность назвать «землёй магов». А если исходить из традиций русского былинного образа (как учил меня отец) – то я бы красиво назвал её «очарованной землёй» или «сказочной». Что, в общем, едино.

К «земле магов», как обобщающему понятию, я ещё вернусь. Пока же мой интерес сосредоточен на храме Гермеса. Не знаю, по какой причине, но жрецы покинули его и ушли в иные места. Может быть, это как-то было связано с великим переселением народов, либо же с катаклизмом, уничтожившим «землю магов». Но очередное возрождение храма случилось в пределах VIII–IX веков нашей эры. И связано оно было с приходом в здешние места христианской веры. У меня нет разумного объяснения, почему так случилось. Но отец навязывал мне свою точку зрения, и я, не имея иной, до сих пор придерживаюсь этой.

Суть её в следующем. В восьмом веке в Византии начались массовые гонения на христиан-иконоборцев. Значительная часть из них переселилась в Крым и осела во многих труднодоступных местах, спасаясь от гнева византийского императора. В местах своих компактных поселений они нередко образовывали братские общины, которые нередко трансформировались в христианские монастыри. Конечно же, эти люди строили и свои храмы, в которых исповедовали ту веру, приверженцами которой были на своей истори-

ческой родине.

Именно эти беженцы из Византии стали новыми жителями поселения на берегах Манаготры, Гремяч-реки и Бельбека. Они пришли на развалины опустевшего городища и восстановили его по собственному разумению. Конечно, отстроили они заново и древний храм Гермеса и освятили его во имя Николая-чудотворца. По-гречески его имя произносилось как «Николас».

Произошла смена эпох, смена цивилизаций. Своеобразный исторический скачок, случившийся мгновенно, в течение очень короткого периода времени. Для наглядности я бы назвал его «удар молота». Очень точное определение для понимания общей ситуации.

И вместе с тем каким-то непостижимым образом от одного народа к другому передавались в виде кодовых названий глубинные основы данного места. Взять, к примеру, новое название храма во имя Николая-чудотворца. Этот святой, помимо своих известных мирских деяний и духовных подвигов, которые заставили говорить о нём как о выдающейся личности, отличался и тем, что мог творить чудеса. А люди, обращавшиеся к нему с молитвенными просьбами, получали поддержку небес, да такую, что впрямь её можно назвать чудом.

Напомню, что на Западе день памяти святого Николая (19 декабря) фактически совпадает с христианским Рождеством и празднованием Нового года. А самого «хозяина» новогод-

них праздников называют на Руси дедом Морозом, а в Западной Европе – Санта Клаусом (святым Николаем). Для западных христиан святой Николай до сих пор является символом перемены дат времени – то есть начала нового годового цикла. Именно он скрепляет уходящее время с тем, которое только должно наступить. В этом смысле его функции и возможности были тождественны тому, чем обладал греческий бог Гермес. Отсюда и преемственность в названиях. Как видно, путь от Гермеса к Николаю-чудотворцу не такой уж и длинный. К теме византийских переселенцев я ещё вернусь, ибо эта тема отдельного разговора. А сейчас вновь возвращаюсь к храму Гермеса.

Долгое время он носил имя Николаса. И, возможно, во времена княжества Феодоро был особо почитаем, наравне с храмом Спаса на горе Сотера. Но после вторжения в Крым турецких завоевателей в 1475 году, княжество Феодоро рухнуло. Все его святыни были либо уничтожены, либо преданы забвению. Внутренние области юго-западного Крыма теперь перешли под покровительство татарских ханов, которые были союзниками и вассалами турецкого султана. Произошла ещё одна кардинальная смена эпох и народов. Случился новый удар молота, разбивший прежние устои. А на её обломках возникла новая, теперь уже мусульманская культура.

Все греческие названия были заменены на татарские. Точнее – видоизменены, ибо в них до сих пор прослеживаются древние корни, ведущие не только к Греции, но и ещё глуб-

же – к древней Руси. Село получило своё нынешнее татарское имя – Биюк-Узенбаш. А храм святого Николая стал мусульманской мечетью. Судя по тому, что новые жители почти не восприняли от прежних хозяев традиций прошлого, можно сделать логический вывод, что их попросту некому было передавать. Жители-греки, очевидно, были уничтожены турецкими войсками, и они повторили участь жителей Мангупа, который был столицей княжества Феодоро. Здесь была великая жертва и пролито много крови. Но об этом я сейчас расскажу отдельно.

Прежде чем понять глубину трагедии, постигшую греческое городище Софиос (как оно называлось во времена княжества Феодоро), надо обратить внимание на духовную область, всегда присутствующую в здешних местах.

Я говорил, что нами было открыто несколько мест, несущих на себе следы ритуально-магического прошлого. Это и четыре каменных коло, и сопутствующие им четыре свечные башни, и святилище, на остатках которого возник храм Гермеса, и место на склоне Каблук-Кая, где проводились церемонии посвящения юношей в жреческий сан, и водопад с каменными шарами, где незримо витает тень Афродиты. Случайным такое скопище древностей назвать нельзя. Явно с глубочайших времён здесь селились люди, завлеченные сюда силой места. И эти люди были посвящёнными.

Я допускаю такое развитие событий. В незапамятные времена, когда то, что мы обнаружили, представляло собой некую стройную духовную структуру, здесь жили мастера, которые были призваны для её охраны и поддержания в рабочем виде. Кто были эти люди? Скорее всего, их можно назвать жрецами. Но среда их была неоднородна, как и в любом обществе. Здесь присутствовали те, кто проводил ритуалы на каменных коло, в башнях, святилищах и храмах. Те, кто были настоящими магами и творили чудеса. Были свои мыс-

лители и ясновидящие. Без сомнения, данное духовное образование работало не само на себя. Существовала иная сфера, может быть, царская либо божественная по определению, которая с землёй магов и её жителями являла собой некий глобальный духовный механизм, о предназначении которого можно лишь строить предположения.

Я уже говорил, что некоторые современные географические названия, а также те, которые нам стали известны, являются отголоском древнерусского языка. Вполне разумно предположить, что эта «страна магов» была прародиной возникшей здесь впоследствии древней Руси. И здесь изначально жили те, кого на Руси принято называть волхвами либо же кудесниками. Я ранее ввёл определение – «сказочная страна». Думаю, к её жителям-кудесникам такое название более чем подходящее.

Где могли жить маги и сменившие их волхвы? Думается, места этих городищ мы обнаружили. Огромное число развалин в виде отдельно стоящих особняков или групп особняков разбросано вдоль Манготры, вплоть до её истока, а также Гремяч-реки. Они представляют собой островки цивилизации в сплошных зарослях леса и нагромождении скал. Я бы назвал их скитами либо же монастырями. Конечно, если таковые могли существовать в ту древнюю эпоху. В привычном нашему пониманию виде.

Когда сюда добрались беженцы из Византии, волна которых захлестнула весь юго-западный Крым, то такое устрой-

ство отдельных небольших поселений, которые на современный русский язык можно ещё назвать хуторами, им пришлось по душе. Монашество Византии здесь пустило свои глубокие корни лишь потому, что для них была подготовлена прекрасная духовная почва, на которой обитали их предшественники разных взглядов, течений и образа мышления. Теперь разумно все эти поселения, беря их в массу, назвать «страной монастырей». Нечто подобное было создано в Греции на горе Святой Афон.

Мой отец как-то рассказывал мне о владыке Иннокентии, который возглавлял таврическую православную епархию в середине девятнадцатого века. Он утверждал, что в Крыму действительно существовала такая «монастырская страна». Откуда он черпал свои сведения – неизвестно. Но эту страну так и не нашли, посчитав лишь, что она была разбросана на значительной территории юго-западного Крыма, где сейчас находятся выдолбленные в скалах многоярусные пещеры (пещерные города). Думается, правильность этой догадки верна. Но вот сердце «страны монастырей» не нашли. А оно-то притаилось в междуречье Манаготры, Гремяч-реки и Бельбека!

Когда возникло и крепко встало на ноги княжество Феодоро, монастыри Манаготры вошли в её состав неотъемлемой духовной составляющей. И теперь само городище София (Софиос) представляло собой духовный магнит, притягивающий сюда всякого, кто хотел бы почерпнуть для себя

живительной силы. Можно лишь представить, какое число паломников следовало в эти места!

Теперь кажется, что так было всегда. Во времена княжества Феодоро сюда бежали просвещенные греки Крыма, во времена гонения на иконоборцев в Византии – монахи и духовно непреклонные христиане. Во времена древней Руси волхвы со всех пределов Северного Причерноморья, настоящие кудесники, врачеватели и чародеи. Ещё раньше – это были маги и медиумы. В глубочайшей древности – особо посвящённые жрецы и хранители тайн земли, мастера, наделённые божественными функциями. А ещё раньше? Наверное, здесь само собой возникает предположение – не обитали ли это тех, кого мы называем языческими богами? Следуя древнерусской традиции – это Перун, Дажь-бог, Сварог, Хорх и другие. Следуя древнегерманской – это асы. А по древнегреческой – это олимпийские боги. В первую очередь из числа тех, кто считался очень древним, догреческого происхождения. Кстати, в их числе были Афродита и Гермес, смутные отголоски их присутствия здесь мы обнаружили. Но пока не сложилась стройная историческая линия из глубокой древности до наших дней, которую я только что изложил, невозможно было понять, при чём здесь Афродита и Гермес, каким ветром их сюда занесло. Но теперь правильное было бы говорить обратное. Может быть, разумнее поискать ветер, который знания о них распространил за пределы Крыма, вплоть до земель греческих?

Здесь я сделаю небольшое отступление и перемещусь из времён моей юности в 1942 год и последовавший за ним 43-ий. Мы обнаружили в одной из пещер горы Богатырь (которая примыкает к Сотере с севера) древнейшую реликвию в виде четырёх кусков золотой цепи. Каждый из этих кусков был столь тяжёл, что его поднять могли лишь два человека. Обычно такими бывают якорные цепи на самых больших кораблях, только они, понятно, не золотые, а железные.

Наши специалисты из «Аненербе» назвали их «Геракловыми цепями», ибо выявили прямую связь с этим древнегреческим героем. Скажу, что Геракл считался олимпийским богом догреческого происхождения, что роднило его с Афродитой и Гермесом. Наверное, данное обстоятельство позволяет мне провести прямую линию от места, где мы обнаружили свидетельства пребывания олимпийских героев и богов прошлого к самому Олимпу. Не были ли здешние места тем действительным сосредоточением божественных сил, которые позже оформились греками в виде красивого мифа о горе Олимп? И они, поэты по натуре, даже назвали так одну из своих горных вершин! А на самом деле, прообраз Олимпа следует искать совсем в ином месте. И, кажется, благодаря стараниям моего отца, а позже моих коллег из «Аненербе», мы вышли на его след.

Я уже рассказывал, описывая свои впечатления, когда отец привёл меня к водопаду и каменным шарам, что я ощутил присутствие неведомой силы. Позже я назвал данное ме-

сто «тенью Афродиты». Всё время меня не покидал этот образ: тени прошлого витают по ущельям Биюк-Узенбаша и не подпускают к своим тайнам никого. Теней множество, и все они имеют конкретный первоисточник, от которого произошли.

Теперь для меня этот сплошной туман из множества теней стал понемногу рассеиваться, и я начал видеть прежде скрытое от меня всё чётче и чётче.

Прежде всего следовало выяснить, что собой представляли отдельные поселения, которые я называл и монастырями (скитами), и хуторами, и особняками. Всё зависело от конкретной конфигурации развалин и их места нахождения. В течение 1942–1943 годов мы провели гигантскую работу, исследуя эти места. Причём её пришлось вести тайно, не привлекая внимания местного населения. В противном случае о нашей деятельности могли прознать партизаны и совершить на нас нападение. Делали мы свои научные изыскания не из праздного любопытства и не ради утверждения каких-то исторических выводов. Нас интересовала система, по которой были построены эти монастыри, а также те знания, которые тут томились.

По всему выходило, что здесь была сокрыта величайшая мудрость, духовная сила и магия прошлого в одном лице. И если мы сумеем подобрать ключик к этой исторической загадке, то станем обладателями таких знаний и таких возможностей, что нам никто не сможет противостоять.

Наши исследования одновременно шли в двух плоскостях. Первая – явная и конкретная, осуществлялась в виде раскопок старых развалин. А вторая – неизвестная и невидимая даже посвящённым – это работа в архивах. И речь шла не об обычных архивах, а о тех, к которым было добраться

крайне сложно. Один из них находился в Ватикане, а второй – рядом с Крымом, в Стамбуле, у патриарха Вселенского. По нашим сведениям, именно там могло находиться то, что так нас интересовало. И вот почему.

После падения княжества Феодоро все сведения о нём и о развитии христианства в Крыму сохранились лишь в православных монастырях, которые турецкие войска не сочли необходимым уничтожить. Эти монастыри, в основном юго-западного Крыма, и сохраняли в своих архивах древнюю историю здешней земли. После присоединения Крыма к России монастыри подпали под покровительство русской православной церкви Московского патриархата. Но греки-монахи, целые поколения которых жили под гнётом турецкого султана и Крымского хана, всегда считали себя потомками Византии и традиционно подчинялись Патриарху Вселенскому. Именно поэтому они не признали над собой Московский патриархат и дружно переселились на свою историческую родину, забрав с собой и все архивы. Именно таким образом все древние тайны Крыма оказались в Стамбуле (бывшем Константинополе) в резиденции Патриарха Вселенского, где в его архивах находятся до сего времени.

Насколько мне известно, русские императоры, начиная с Александра I, неоднократно обращались к Вселенскому Патриарху с просьбой вернуть им крымские архивы. Но каждый раз в такой просьбе им отказывалось. Почему? Всё сходится к тому, что сведения, содержащиеся там, имели столь неве-

роятную ценность, что Патриарх Вселенский ни при каких обстоятельствах не желал передавать их кому бы то ни было. А ведь Российская империя, заполучи их, могла с умом использовать эти сведения, что возможно не входило в планы их соседей, врагов и мнимых друзей.

Но то, что не удалось русским императорам, сумели осуществить структуры «Аненербе». Тем более сейчас, когда мы знаем точно, что именно надо искать. Я не буду вдаваться в подробности этой специальной операции, сообщу лишь, что она увенчалась успехом.

Если охарактеризовать каким-то одним ёмким и точным определением, то территория в горах, которую нам удалось найти, называется «страна башен». Очень поэтичное имя. И к тому же – очень говорящее. Если на мгновение представить по всем этим ущельям, взгорьям и горам десятки башен, то всё станет понятно. Везде стояли башни. Иногда в гордом одиночестве, иногда по две-три рядом. А как в случае со Свечными башнями – их было даже четыре. Иногда башни окружали какие-то строения, возможно имевшие хозяйственные, оборонительные и иные функции. И то, что мы изначально принимали за хутора либо отдельные особнячки, были остатками башен и сопутствующих им строений.

Эти башни имели название – «истолпы». Кстати, очень похоже на русское «столпы» (столбы). Собственно, такими они и выглядели, с торчащими в небо остроконечными крышами. Не исключено, что вообще слово «столб» пошло от

названия башни. Что же касается их наверший, то они были чаще всего выполнены в виде пирамид со шпилем. Такие крыши назывались «пиками». Были и другие – шатровые. Крайне редко встречались и куполовидные.

Иногда словом «истолпы» обозначалась не одна башня, а все в совокупности. Иными словами – вся «страна башен». А отдельные же башни назывались и таким термином, как «кварта». И вообще, «кварта» – слово явно латинского происхождения и переводится как «четыре». Хотя, не исключено, что в их язык оно попало от этрусов, которые прежде жили в Малой Азии и Причерноморье, а, возможно – и в Крыму. Так что связи здесь прослеживаются с древних времён.

Строения, сопутствующие башням, тоже имели общее название – «пристолы». Очевидно, они получили его потому, что находились рядом с истолпами (приставленные к башням). Но «пристол» – это очень известное, особенно в христианской традиции, понятие. Так называется и ряд небожителей высшего порядка, которые весьма приближены к Богу-Вседержителю. Кажется, так называется один из элементов внутри христианской церкви. Здесь я не совсем уверен в правильности моего определения, как «элемент», но для понятливости я назвал его именно так.

Кроме того, слово «престол» употребляется в случаях, когда речь идёт о монархическом правлении. Понятие «сесть на престол» и «сесть на трон» являются синонимами, говорящими о ком-то, кто стал царём и правит страной.

Из ситуации, связанной со страной башней, сам собой напрашивается вывод – в таких башнях жили необычные духовные особы, которые правили отдельными людьми либо целыми людскими массами, возможно, даже народами, не с помощью силы или мирской власти, а посредством духа и магии. В этом отношении они действительно были и волхвами, и кудесниками, и волшебниками в одном лице. Возможно, они действительно «предстояли пред Богом» (были его ближайшими помощниками). И тогда мои самые смелые предположения относительно истинных хозяев «страны башен» оправдываются.

4

Было явно и то, что каждая из этих башен с престолом самодостаточна. И вместе с тем они были все вместе связаны друг с другом. Причём даже не нитью, а цепью. Толстой, надёжной цепью, каждое звено которой – это очередная башня. И вместе – истолпы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.